

**Марк
СОЛОНИН**

**ГРЯЗНОЕ
БЕЛЬЕ
КРЕМЛЯ**

ЗАПРЕТНАЯ ПРАВДА о ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

**НЕТ БЛАГА
НА ВОЙНЕ!**

«Грязное белье» Кремля

Марк Солонин

**Запретная правда о
Великой Отечественной.
Нет блага на войне!**

«Яуза»

2014

Солонин М. С.

Запретная правда о Великой Отечественной. Нет блага на войне! /
М. С. Солонин — «Яуза», 2014 — («Грязное белье» Кремля)

Об этом молчит исторический официоз. Это отрицает кремлевская пропаганда. Эти неудобные факты пытается запретить «партия власти». Но горькая правда о Великой Отечественной прорывается сквозь негласную цензуру! В документальном расследовании ведущего историка-антисталиниста речь идет именно о тех событиях, которые Кремлю больше всего хотелось бы забыть: соучастии СССР в развязывании мировой войны, гибели сотен тысяч жителей блокадного Ленинграда из-за преступно недостаточного снабжения города продовольствием, «Бабьем бунте» в Иванове 1941 года, бесчинствах Красной Армии на немецкой земле... Эта книга – для тех, кто не боится знать и думать, кто готов разделить со своей страной не только радость побед.

© Солонин М. С., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Три плана товарища Сталина	6
Бабий бунт в Иваново	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марк Солонин
Запретная правда о Великой
Отечественной. Нет блага на войне!

© Солонин М., 2014

© ООО «Яуза-пресс», 2014

Три плана товарища Сталина

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталина страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира, – даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять наконец реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывало сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны, – в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С. Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггалеи до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советскому Союзу со стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло их в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря – большая группа фактов. В мае – июне 1941 г. Вооруженные Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более – цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом «учебных сборов». Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецких войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства – агентство ТАСС – 14 июня распространило умиротворяющее заявление: «Никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне *«являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил»*.

В июне 41-го года Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался скрыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяснить единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ и уже 19 июня – за два дня до нападения, которого Сталин не

ждал, – фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полевые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил – и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями, – что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор – все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: «рабсила» и «пушечное мясо». В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение – поддержать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее «убойную мощь». П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский – вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В. Суворова и фактически переводящих ее из разряда «гипотезы» в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректности, я считаю, что истина таки существует и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь «написании текстов»).

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет «Ледокола» двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум, названным мною выше, фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток критики Суворова.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набором «предъяв». По косточкам разобрана личность Суворова, и «как дважды два доказано», что он очень, очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д. Хмельницкого, производителей «анти-суворовской» макулатуры *«даже бессмысленно упрекать в недобросовестности – авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключаящую добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество»*. От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: «Суворов врет в каждом слове». На «посвященных», т. е. на членов секты «воинствующих антирезунистов», эти выкрики производят магическое действие, аналогично камланию шамана.

«Мне не нужна критика, мне нужна версия». Эта фраза, которую записал на одном из бесчисленных Интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/тео-

рии В. Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной «исторической науки». Сразу же спешу уточнить – под «молчанием» я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939-1941 годах. Шума, крика и призывов «прекратить переписывать историю» полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов сгорать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты «Красная Звезда» (а это, если кто забыл, – официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О. Ржешевский и говорит такие слова: *«Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия (версия В. Суворова. – М.С.) тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты»*.¹

Вот оно что – не допускают Заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, Президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предъявить публике «имеющиеся у него достоверные документы и факты». Я, «историк-любитель из Самары», могу предъявить, а Президенту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе как и здесь «англичанка гадит»...

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве главоу в столичном отделении Академии военных наук числится 257 докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой «фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке». 257 научных открытий! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь, кроме докторов военных наук, на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора...

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки – это не просто «знак согласия» с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконника генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

* * *

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то **вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым**. И это неудивительно – для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская «историческая наука» приложили максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков информации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу. Единственное, что можно сказать сегодня со всей определенностью, – это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу

¹ Красная Звезда. 2001. 10 апреля.

не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: «возможно», «скорее всего», «вероятно», «не исключено», «можно предположить»...

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т. Бушуевой запись этого «доклада», обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов)²; опубликованный М. Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКВД СССР³, скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 года – хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

План № 1 – это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. *«В результате своего скудоумия Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики Гитлер зависит только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции... Война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны...»* Если заменить ритуальное в разговоре между «товарищами коммунистами» слово «революция» на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь, с тем чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД) о том, что *«мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла»*. Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес её сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: *«Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию»*.⁴ Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: *«Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз поэтому не может одобрить действия западных*

² Новый мир. 1994. № 12.

³ Правда Виктора Суворова: Новые доказательства. М., 2008.

⁴ СССР – Германия: 1939-1941 гг.: Сборник документов. Вильнюс, 1989. Т. 2. С. 18.

*держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение».*⁵ Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сборнике трофейных документов германского МИДа «Nazi – Soviet Relations», и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т. е. антизападная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировала чуть более половины ее территории – действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые «гарантии» неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию – традиционного союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

*«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном Доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...»*⁶

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным»*. Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова, с тем чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям – 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, – доклад с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в «окружном Доме Красной Армии». К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В. Белоконов, А. Степанов) обратили внимание на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот момент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика с дальностью 5000 км. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе № 18 двухмоторный бомбардировщик

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 70. Л. 18-19.

ДБ-240 (Ер-2). Куда, в какую даль предстояло лететь «сталинским соколам» на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина – 1000 км, от Минска до Гамбурга – 1200 км, от Киева до Мюнхена – 1400 км, от Владивостока до Токио – 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера – 2000 км).

Самым фантастическим проектом было «изделие ПБ-4»: дальний, тяжелый, 4-моторный и при всем при этом – пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и никем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разрабатывался в «шарашке» – тюремном КБ НКВД, в который Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясищев, Петляков, Стечкин, Туполев, Чаромский... По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор «Нельсон» и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 года.

В разговоре о том, как «под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная оборонная промышленность», обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы («катюша»), штурмовик Ил-2. При этом принято забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939-1940 гг. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд) выделялась Наркомату ВМФ.⁷ К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии – 57, Италии – 68, Японии – 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39 г., а к июню 41 г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Вопрос – морскую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция.

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...»⁸

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940-1941 гг. предполагал следующее развитие событий:

«...Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...

⁷ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-8418. Оп. 24. Д. 2. Л. 41.

⁸ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

2. Эгейское море: Салоники, Смирна...

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...»⁹

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: «*Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)*». ¹⁰ На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии. ¹¹ Почти все перечисленные страны – колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного Политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о «*необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре*». ¹²

Вся эта «маниловщина», сладкие сны про «перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор» на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее чем за месяц до начала немецкого наступления на Западе, выступая на Совещании высшего состава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вялодерущихся империалистов: «*Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено*». Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови, тигром. Но пронесло. Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне тяжелой ситуации.

Вместо того чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, «зафиксировать прибыль», Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История...) 1940 года советский посол И. Майский докладывал из Лондона в Москву:

«*Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца...*»

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задуть Англию и удавкой морской блокады,

⁹ Там же. Д. 150. Л. 2.

¹⁰ РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 89. Л. 1—19.

¹¹ Там же. Д. 92. Л. 1-34.

¹² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 547. Л. 378.

хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья Северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке «плана № 2».

План № 2 – это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, «план № 2» известен сегодня достаточно подробно. В первой половине 90-х годов были рассекречены и опубликованы в ряде сборников (в частности, в известном двухтомном «Россия – XX век. Документы. 1941 год». М., Международный фонд «Демократия», 1998 г.) следующие документы:

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г.¹³

– Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№ 103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.)¹⁴

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 (документ начинается словами: «*Докладаю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год*», в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»)¹⁵.

– Докладная записка начальника Штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г., б/н, не позднее декабря 1940 г.¹⁶

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1940 г.¹⁷

– Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г.¹⁸

– Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, не ранее 15 мая 1941 г.¹⁹

¹³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1—37.

¹⁴ Там же. Л. 197-244.

¹⁵ Там же. Д. 242. Л. 84-90.

¹⁶ Там же. Д. 239. Л. 245-277.

¹⁷ Там же. Д. 241. Л. 1—16.

¹⁸ Там же. Д. 237. Л. 48-64.

¹⁹ Там же. Д. 237. Л. 1—15.

К документам, описывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА.²⁰ К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М. Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»*.²¹

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой войны существовал. Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении». Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР (т. е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается (!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения документы представляют собой описание плана подготовки и проведения **грандиозной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР**. Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не рассматривалась даже как один из возможных вариантов развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских городов и рек (*«нанести удар и решительное поражение Люблин – Радом – Сандомир – Краковской группировке противника, форсировать р. Висла, овладеть Краков и Варшава и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Крейцбург, Опельн...»*).

В-третьих, только августовский (1940 г.) документ ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника (*«считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»*). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты устанавливают географию стратегического развертывания исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (развертывание немцами наиболее мощной группировки к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии.

Конкретнее: начиная с октября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии южнее р. Припять, в районе так называемого «Львовского выступа». Выбор именно такой схемы развертывания (и, соответственно, отказ от

²⁰ Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 7, 8.

²¹ Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 5-8.

«северного варианта») составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями:

«Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта, ускорит вступление Балканских стран в войну против нас...»

*Наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краковском направлении разбить главные силы немцев и в первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важных экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас».*²²

Наступление на Люблин – Радом – Краков неизменно называлось лишь «первой стратегической задачей». Мартовский (1941 г.) план уже в явном виде устанавливает направления последующих ударов:

*«Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено: развить операцию через Познань на Берлин, или действовать на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии».*²³

Если сам замысел операции понятен и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала «освободительного похода» установить на основании рассекреченных документов невозможно. Государство российское продолжает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнится, в годы моего детства была такая радиопередача: «Угадайка, угадайка – интересная игра...»

Высказанная В. Суворовым и И. Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и логичная, но, увы, одной только «красоты замысла» для историка мало.

В ходе упомянутых выше январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА, разыгрывалось наступление от Львова на Краков и далее через Словакию на Будапешт, которое по сценарию игры происходит в августе 1941 г. Это – указание конкретного года – выглядит довольно странно; указание месяца (август) необходимо для того, чтобы командиры могли правильно учесть природно-климатические условия, продолжительность светового дня и прочее, но для чего же потребовался год?

Самые большие вопросы вызывает Докладная записка от 11 марта 1941 г., где на оборотной стороне 27-й страницы тонким карандашом, аккуратным «бисерным» почерком (предположительно рукой начальника Оперативного управления Генштаба Ватутина) вписана фраза: «Наступление начать 12.6».²⁴ Фраза эта никак не связана с контекстом (она появляется после описания задачи, поставленной перед «левым крылом главной группировки Юго-Западного фронта») и вообще кажется неуместной в документе, где все хронологические отметки выражены в условных величинах, «привязанных» к первому дню операции («на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла... силами подвижных групп на 8-й день операции овладеть Краков...»).

²² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15-16.

²³ Там же. Л. 17-18.

²⁴ Там же. Л. 27об.

Внимательный анализ документа дает некоторое основание предположить, что фраза «*наступление начать 12 июня*» никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. Логика здесь очень простая – большая часть механизированных (танковых) соединений, упомянутых в мартовском (1941 года) плане стратегического развертывания, просто не существовала в реальности. Так, в состав 4-й армии Западного фронта (именно ей и предстояло «*на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла...*») по плану включались три мехкорпуса. Тем же тонким карандашом вписаны и их номера: 13-й, 14-й и 17-й. На тот момент о решительном наступлении силами этих соединений не могло быть и речи. 14-й мехкорпус по утвержденным в феврале 1941 г. планам заканчивал формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 МК и 17 МК, то они и вовсе находились на самой ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками должна была составить порядка 25-30 %.

В целом развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды «танками новых типов», т. е. КВ и Т-34, не могла быть завершена ранее конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек – а Сталин, без сомнения, был человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным – не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до Большой войны. Очень может быть, что в бесконечных заклинаниях советской исторической пропаганды («Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года») есть изрядная доля истины. Правда, истины, причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: «нападет – не нападет...» Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен им к началу лета («12 июня») 1942 или даже 1943 года.

«В поле две воли», – говорит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно, «с чувством, с толком, с расстановкой». В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся и нанести удар первым возможно лишь в том случае, **если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года**. Так умер, не успев реализоваться, «план № 2», и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось спешно разрабатывать «**план № 3**».

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в отсутствие прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). Не раньше 6 апреля – и не позже 24 мая 1941 г.

6 апреля 1941 г. – один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т. е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что «*момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление*», в 2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, а немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени, Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: *«Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным...»*²⁵

Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея желаний (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5-6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии (*«С заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии»*).

6 апреля – это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем это слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке – Москва начинает демонстративно и навязчиво «дружить» с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией – соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлечший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

*«...Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там».*²⁶

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила». С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки заморозки, что английский посол С. Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон «для консультаций». В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

²⁵ СССР – Германия, 1939-1941 гг.: Сборник... С. 156.

²⁶ Там же. С. 157.

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе... У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»²⁷

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован обаянием гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

«...То, что эта внешняя политика прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели (подчеркнуто мной. – М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений...»²⁸

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т. е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех – кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г., С. Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э. Идена:

«...в СССР начали происходить вещи, имевшие, очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после Первомайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило...»²⁹

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем – не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны».³⁰ 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень вопросов в ЦК ВКП(б)». Пункт 7: «О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время».³¹

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т. е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «Совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка – в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты: «Представляю при этом ведомость потребности Наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных

²⁷ Там же. С. 163-164.

²⁸ Там же. С. 165.

²⁹ Полный текст доклада С. Криппса размещен на официальном сайте Службы внешней разведки РФ: <http://svr.gov.ru/material/pribaltica2.htm>

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 25. Д. 683. Л. 227.

³¹ Там же. Д. 83. Л. 253.

*количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50 % от общей потребности на период до 1.01.43 г.».*³²

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен – в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

В мае (не ранее 15 мая, точная дата неизвестна) был составлен очередной вариант «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Майские «Соображения» – полностью повторяющие все предыдущие варианты по целям, задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам – содержат и некоторый новый момент. А именно: *«Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар»*. Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания подобной по смыслу фразы нет. Далее разработчики плана настойчиво предлагают «ни в коем случае не давать инициативы действий *Германскому Командованию, предупредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск*».

Исключительно важно подчеркнуть, что речь идет вовсе не о «большей агрессивности» майских «Соображений» – все предыдущие варианты также не предлагали ничего иного, кроме проведения крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Что же до намерения опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий», то оно является всего лишь элементарным требованием здравого смысла. Преимущество первого удара – слишком серьезная вещь, чтобы дарить ее противнику. Существенная новизна заключается в том, что в мае 41-го советское командование уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать, и поэтому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия, *«без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле»*.

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов,
- нарком обороны Тимошенко,
- начальник Генерального штаба Жуков,
- начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин,
- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев,
- командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Не менее примечательным является и перечень тех лиц, которых на Совещании 24 мая 1941 г. не было. Не были приглашены:

- председатель Комитета Обороны при СНК СССР маршал Ворошилов,
- заместители наркома обороны: маршалы Буденный, Кулик, Шапошников, генерал армии Мерецков,
- начальник Главного управления политической пропаганды РККА Запорожец,
- нарком ВМФ Н. Кузнецов,
- нарком внутренних дел Л. Берия,

³² Там же. Д. 481. Л. 32-33.

– секретари ЦК ВКП(б) Жданов и Маленков, курировавшие по партийной линии военные вопросы и входившие в состав Главного Военного Совета.

Вот, собственно, и весь «массив информации». Ничего большего неизвестно и по сей день. Ни советская, ни российская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные уже в начале 21-го века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф.17, оп. 162, д.34-35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет, вспоминает: *«За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов».*

Какие выводы можем мы сделать на основании имеющихся обрывков информации? 24 мая 1941 г. состоялось Совещание высшего военно-политического руководства страны. Состав участников Совещания достаточно странный: отсутствуют маршалы, занимающие высокие и громкие по названию должности, зато присутствуют генерал-лейтенанты из округов. Если бы в кабинете у Сталина происходило обычное «дежурное мероприятие», что-нибудь вроде обсуждения итогов боевой подготовки войск и планов учений на летний период, то состав участников, скорее всего, был бы иным. Остается предположить, что память не подвела Василевского и именно в ходе Совещания 24 мая 1941 г. содержание сверхсекретных оперативных планов было доведено до сведения исполнителей, т. е. командования приграничных военных округов (будущих фронтов).

Если это так, то тогда становится совершенно понятным и подбор участников Совещания (только те, кто разрабатывал последний вариант оперативного плана войны и кому этот план предстояло выполнять), и строжайшая, непроницаемая завеса секретности, которая окружала (и окружает по сей день) все, что связано с тайной Совещания 24 мая.

Если наше предположение верно и на Совещании 24 мая 1941 г. утвержденный Сталиным план войны против Германии был доведен до сведения будущих командующих фронтами, то «диапазон возможных дат» начала операции сужается практически до двух месяцев: **от середины июля до конца августа 1941 г.**

Кратко поясним этот, достаточно очевидный, вывод. Если бы в мае 41-го вторжение в Европу планировали начать в 1942 (и уж тем более – в 1943) году, то 24 мая 1941 г. сверхсекретные оперативные планы не стали бы передавать командованию военных округов. Слишком рано. Опасно – резко увеличивается возможность утечки информации. Да и бессмысленно – до лета 1942 г. военно-политическая ситуация могла многократно измениться. И сам факт проведения Совещания 24 мая, и явно обозначившаяся с середины апреля политика показного «миролюбия» в отношениях с Германией, и официальное принятие Сталиным должности главы правительства СССР, и – самое главное – начавшаяся с конца мая скрытая мобилизация и крупномасштабная передислокация войск позволяют предположить, что **план Сталина № 3 предполагал начать вторжение в Европу уже летом 1941 года.**

Указать точную конкретную дату начала стратегического сосредоточения войск Красной Армии не представляется возможным. Красивая метафора, предложенная В. Суворовым («лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент, с оглушительным рычанием, бросается на нее в открытом прыжке»), как нельзя лучше описывает ситуацию мая – июня 1941 г. Стратегическое развертывание Красной Армии происходило в обстановке небывалой секретности, с нарушением многих «общепринятых» правил. «Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянность выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени», – пишут авторы коллек-

тивного труда «1941 год – уроки и выводы» (составлен большой группой военных историков СССР в 1992 г.).

Фраза о «растянутости выдвижения войск», да еще и с «сохранением режима работы железных дорог по мирному времени», заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины 20-го века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим «родом войск», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно все страны имели разработанные еще в мирное время планы перевода железнодорожного движения на режим «максимальных военных перевозок». Так, на этапе стратегического развертывания вермахта для вторжения в СССР железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая. Режим военных перевозок в европейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей.³³ Однако в июне 1941 г. ничего подобного сделано не было!

По расчетам, содержащимся в предвоенных планах советского командования, для осуществления перевозок по планам стратегического развертывания войск Красной Армии требовалось от 8 дней (для Северного фронта, т. е. Ленинградского ВО) до 30 дней (для Юго-Западного фронта, т. е. Киевского ОВО). Фактически же, в условиях сохранения режима работы железных дорог мирного времени, перегруппировка войск не форсировалась, а затягивалась. Затягивалось со вполне понятной, откровенно названной в 1992 г. группой советских историков целью – обеспечить максимально возможные «меры маскировки». Говоря еще проще – не вспугнуть «дичь» раньше времени.

Первыми начали выдвижение находящиеся в Забайкалье и Монголии соединения 16-й армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 г. началась погрузка первых частей в эшелоны, которые, с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени, должны были прибыть на Украину, в район Бердичев – Проскуров – Шепетовка, в период с 17 июня **по 10 июля**. С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования. 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки – Витебск со сроком окончания сосредоточения **1-3 июля**, 21-я армия сосредоточивалась в районе Чернигов – Гомель – Конотоп **ко 2 июля**. 29 мая принято решение о формировании 19-й армии и развертывании ее в районе Черкассы – Белая Церковь **к 7 июля**. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского ВО еще одной, 20-й армии, которая должна была сосредоточиться у Смоленска **к 3-5 июля**.

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, **с 1 июня по 10 июля 1941 г.**». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год – уроки и выводы» следовало бы наградить медалью «За отвагу». Фактически эта фраза означает, что при разработке «оперативных планов», в частности при составлении графика развертывания, немецкое вторжение не предполагалось.

Логика и хронология тут очень простая. Войска, завершившие сосредоточение к 10 июля, закончат оперативное развертывание и изготоятся к бою не раньше 15-20 июля. В целях проведения стратегической **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** операции это будет уже безнадежно поздно (что и было беспощадно подтверждено на полях сражений лета 1941 г.). Наивно было бы ожидать, что Гитлер – если он решится напасть на СССР в 1941 году – станет тянуть с началом вторжения до второй половины июля. Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после окончательного просыхания грунтовых дорог европейской части СССР от весенней распутицы. Балканская кампания «сме-

³³ Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 110.

шала карты» Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (не секрет, что, по мнению многих военных специалистов – и не только из числа «битых гитлеровских генералов», – эта задержка фатальным образом отразилась на итогах кампании). Начинать же наступление во второй половине июля было бы полным безумием – даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной Армии немецкой пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) предстояло брести к установленной в «плане Барбаросса» линии Архангельск – Астрахань по пояс в снегу...

«Завершение сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами» в первой декаде июля, означает готовность к началу стратегической НАСТУПАТЕЛЬНОЙ операции начиная с **15-20 июля. Это «нижняя граница» даты начала вторжения** в Европу по сталинскому «плану № 3». Верхнюю границу также не сложно определить, исходя из оценки природно-климатических условий восточно-европейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено выше, предстояло нанести в направлении Львов – Краков, с дальнейшим развитием наступления на Познань – Берлин или Прага – Вена. Плановая продолжительность решения «первой стратегической задачи» составляла 25-30 дней. Но не все на войне идет по плану, к тому же за успешным решением «первой задачи» должен был последовать следующий, еще более глубокий удар. Но даже в Южной Польше, в Словакии и Венгрии в октябре – ноябре наступает осень, а затем и зима – сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже «нормальной» русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в «дорогу с твердым покрытием» и сковывают озера и реки ледяным «мостом». Таким образом, **конец августа – начало сентября может считаться предельным сроком**, после которого начинать крупномасштабное наступление в Южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Стоит сравнить хронологию стратегического развертывания Красной Армии с тем, как шла подготовка к вторжению по другую сторону будущего фронта. В декабре 1940 г. Гитлер сообщил своим генералам: *«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции»*. Это обещание («восемь недель») Гитлер выполнил – день начала операции (22 июня 1941 г.) был окончательно установлен и доведен до сведения Верховного командования вермахта 30 апреля, т. е. за 52 дня до начала операции. Отсчитав те же восемь недель от даты Совещания 24 мая, мы попадаем в 19 июля – вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной Армии.

Стоит отметить, что в ЦАМО, в архивном фонде трофейных документов противника, хранится некая аналитическая записка (предназначенная, вероятно, для пропагандистских служб вермахта), в которой описываются причины, побудившие фюрера начать войну против Советского Союза. Там, в частности, упомянут некий *«секретный материал, найденный в служебном помещении Красной Армии в Луцке»* (Западная Украина), в соответствии с которым начало боевых действий якобы предусматривалось 25 июля 1941 года.³⁴

В качестве предполагаемого срока начала войны называли июль – август 1941 г. и многие из захваченных в плен командиров Красной Армии. Разумеется, круг лиц, допущенных к военной тайне такой важности, как точная дата внезапного нападения, был крайне ограничен, поэтому приведенные ниже показания могут служить лишь отражением общих настроений, «общего духа», который витал в Красной Армии летом 41-го года.³⁵

Так, военврач Котляревский, призванный 30 мая 1941 г. на 45-дневные «учебные сборы» в медсанбат 147-й стрелковой дивизии, сообщил, что *«7 июня медицинскому персоналу дове-*

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12462. Д. 596. Л. 65.

³⁵ Гофман И. Сталинская война на уничтожение: Планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 84-85.

рительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, так как в ближайшее время будет война с Германией».

Капитан Краско, адъютант командира 661-го полка 200-й стрелковой дивизии, показал: *«Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение о том, что война начнется после 1 июля».*

По словам майора Коскова, командира 25-го полка 44-й стрелковой дивизии, *«судя по масштабу и интенсивности подготовки к войне, русские напали бы на Германию максимум через 2-3 недели»* (после 22 июня. – М.С.).

Полковник Гаевский, командир полка 29-й танковой дивизии (в документах 29 тд нет упоминаний о полковнике с такой фамилией. – М.С.) показал: *«Среди командиров много говорили о войне между Германией и Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15 июля».*

Майор Соловьев, начштаба 445-го полка 140-й стрелковой дивизии: *«В принципе конфликта с Германией ожидали после уборки урожая, примерно в конце августа – начале сентября. Поспешную передислокацию войск к западной границе можно объяснить тем, что срок нападения перенесли назад».*

Подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии, показал, что *«советское нападение ожидалось осенью 1941 г.».*

Генерал-майор Малышкин (перед войной – старший преподаватель, затем начальник курса в Академии Генерального штаба; начальник штаба 19-й армии Западного фронта, пленен 11 октября в Вяземском «котле»; один из главных сподвижников Власова, повешен 1 августа 1946 г.) заявил, что *«Россия напала бы в середине августа, используя около 350-360 дивизий».*

Показания, данные во вражеском плену, да еще и лицами, активно сотрудничавшими с оккупантами, вызывают понятные сомнения. Однако злополучный месяц август, как вероятный срок начала войны, всплывает в самых неожиданных документах.

В начале июня 1941 г. советскую военную базу на «арендованном» финляндском полуострове Ханко посетил с инспекцией командующий Ленинградского ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов подписал доклад, направленный в Наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по ее укреплению. Заканчивался же доклад следующей фразой: *«Все эти мероприятия необходимо провести не позднее 1 августа 1941 г.* (подчеркнуто мной. – М.С.)».³⁶

17 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение *«призвать в армию 3700 политработников запаса для укомплектования среднего политсостава. Призыв произвести с 1 июля по 1 августа 1941 г.»*³⁷

18 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение: *«выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тыс. штук автомобильных шин с возвратом в УГМР [Управление государственных мобилизационных резервов] в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал».*³⁸

В этом документе нет слова «август» – но есть четкое понимание того, что в июне – июле у Наркомата обороны возникнет экстренная, «пиковая» потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием чрезвычайных мер, а образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств «брешь» постепенно восполнить, начиная с сентября – октября. Можно с большой долей уверенности предположить, что экстренная потребность в авторезине

³⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 189. Л. 59.

³⁷ Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 11.

была связана с запланированной на июль – август открытой мобилизацией, в рамках которой из народного хозяйства в Красную Армию предстояло передать порядка 240 тыс. автомобилей.

В архиве Коминтерна хранится интереснейшая коллекция документов – отчеты о проделанной работе (в большинстве случаев – подрывной) финских коммунистов, перешедших в сентябре 1941 г. линию фронта. Среди прочих лежит и доклад товарища Рейно В. Косунена «О работе парторганизаций в Хельсинки и Куопио». Заканчивается отчет следующим самокритичным замечанием:

«Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась новая война. За две недели до начала войны между Германией – Советским Союзом и Финляндией (так в тексте. – М.С.) я получил от руководства партии доклад об оценке положения, т. к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.

2. В положении Финляндии не ожидается изменений до осени (подчеркнуто мной. – М.С.), таким образом, война пока не ожидается.

*Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью».*³⁹

Способность к самокритике украшает человека – но в данном случае товарищ Косунен несправедлив к себе и неназванным «членам партии». Партия эта управлялась не из Хельсинки, а из Москвы. Никаких других «оценок положения», кроме тех, что поступали от московского руководства, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). И если финские коммунисты готовились к войне, которая начнется «не раньше осени», то эту мысль им подсказали не случайно. Не случайно и то, что дата предполагаемого начала войны названа с некоторым запозданием – преднамеренная дезинформация рядовых исполнителей является важным и общепринятым приемом сокрытия подлинной информации...

* * *

Строго говоря, на этом краткий обзор трех планов Сталина можно считать завершенным. Подробная детализация и уточнение важных деталей станут возможными лишь с расширением источниковой базы. С другой стороны, самое важное доподлинно известно уже сейчас – ни один из этих планов так и не был реализован.

В июне 1941 г. фактически еще только-только начинавшееся стратегическое развертывание Вооруженных Сил СССР было прервано гитлеровским вторжением. Не завершившие отмотилизованные войска, разбросанные на огромных пространствах, не успевшие построить ни запланированные наступательные, ни импровизированные оборонительные группировки, подверглись сокрушительному удару вермахта и фактически были разгромлены по частям. И лишь огромные размеры этих «частей», колоссальные людские ресурсы (во втором полугодии 1941 г. в Красную Армию было призвано 11 790 тыс. человек), циклопические горы оружия, накопленного в предвоенные годы, мощная, географически недоступная для немецкой авиации оборонная промышленность позволили избежать полного поражения.

Есть, однако, еще один вопрос, еще одна историческая проблема, без всякого преувеличения заслуживающая названия «тайна июня 41-го». Проблема заключается в том, что в последние мирные дни (ориентировочно с 13 по 22 июня 1941 г.) высшее военно-политическое руководство СССР совершало действия (или не менее удивительные бездействия), абсолютно неадекватные сложившейся обстановке. Или мы имеем дело с проявлением безумия, приступом временной невменяемости товарища Сталина (что, к слову говоря, вполне допустимо –

³⁹ Там же. Ф. 516. Оп. 2. Д. 1544. Л. 49.

история переполнена примерами безумных поступков сильных мира сего), или в те дни вступил в действие некий, пока еще никем толком не дешифрованный, «план Сталина № 4».

В чем конкретно состояли эти «неадекватные действия и бездействия»?

Для Гитлера момент перехода от стадии скрытного «подкрадывания» к последнему решительному рывку наступил 6—10 июня 1941 г... В эти дни началась погрузка в идущие на Восток железнодорожные эшелоны танковых и моторизованных дивизий вермахта (до этого момента у западных границ СССР накапливалась пехота, постепенно нарастающая концентрация которой не давала еще оснований для однозначных выводов о целях немецкого командования). 14-20 июня механизированные соединения прибывали на станции выгрузки в 100-150 км от границы и походными колоннами двигались в исходные для наступления районы.

Танковая дивизия вермахта – это в среднем 200 танков и более 2,5 тыс. колесных и гусеничных машин, транспортеров, тягачей и броневинов. Походная колонна танковой дивизии – это грохочущая, поднимающая пыль до неба «стальная лента» протяженностью в несколько десятков километров. Да и не одна дивизия шла к советским границам. Так, на узкой (примерно 35×35 км) полосе «Сувальского выступа» (на стыке границ Восточной Пруссии, Литвы и Белоруссии) во второй декаде июня сгруппировались четыре танковые (20-я, 7-я, 12-я, 19-я) и три моторизованные (14-я, 20-я, 18-я) дивизии вермахта. И это в дополнение к девяти пехотным (26, 6, 35, 5, 161, 28, 8, 256, 162).

В те же самые дни происходило широкомасштабное перебазирование авиагрупп люфтваффе на приграничные аэродромы. Так, две самые крупные истребительные эскадры (авиадивизии) 2-го Воздушного флота (JG 53 и JG 51) перелетели на аэродромы оккупированной Польши соответственно 12-14 и 13-15 июня 1941 г. На аэродромном узле Сувалки (и близлежащих полевых аэродромах) базировались четыре группы (полка) пикирующих «юнкеров», пять истребительных авиагрупп и две штурмовые (ZG) группы, оснащенные двухмоторными Me-110. Не заметить такую концентрацию сил противника в полосе 30-50 км от границы советская разведка не могла. Еще труднее было ошибиться в оценке задачи, которую поставило немецкое командование перед войсками, сосредотачиваемыми на узких пятках, вдающихся в советскую территорию на стыке военных округов/фронтов.

По здравой логике, по основополагающим азам военной науки и в соответствии с многолетним практическим опытом в подобной ситуации военно-политическое руководство СССР должно было незамедлительно принять два взаимосвязанных решения: 1) начать полномасштабную мобилизацию (т. е. призвать плановое количество резервистов, изъять из народного хозяйства и передать в распоряжение армии сотни тысяч автомашин и десятки тысяч тракторов, разбронировать мобилизационные запасы военного имущества) и 2) начать операцию прикрытия мобилизации сосредоточения и развертывания.

Именно эти два решения и представляют собой конкретное практическое содержание того, что на быденном языке называется «привести войска в состояние полной боевой готовности».

Однако ни того ни другого сделано не было.

Советский Союз, эта предельно милитаризованная тоталитарная империя, которая на протяжении многих лет готовилась к Большой войне с немыслимым для ее соседей размахом, оказалась единственным из числа участников Второй мировой войны (имея в виду крупные европейские государства, а не латиноамериканские банановые республики), который не провел полномасштабную мобилизацию Вооруженных Сил до начала боевых действий. Более того – открытая мобилизация в СССР была начата даже не в день начала войны, а на второй день – 23 июня 1941 г. Это абсолютно невозможная, невероятная ситуация. Такого не было нигде: Германия и Польша, Франция и Финляндия, Румыния, Италия и Бельгия – все эти страны начали мобилизацию за несколько дней, или даже за несколько недель до начала войны. Единственным исключением из правил оказался Советский Союз.

Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил: *«Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года»*. Объявление мобилизации с 23 июня есть действие настолько невероятное, что авторы многих исторических книг, без долгих рассуждений, датой начала мобилизации называют «естественное и понятное всем» 22 июня... Примечательная деталь – маршал Жуков, отчетливо понимающий всю абсурдность ситуации НЕобъявления мобилизации в день начала войны, начинает выдумывать в своих мемуарах такую историю:

«...С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И. В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов (странно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным для пресловутого «Политбюро», нежели доклад руководства Вооруженных Сил? – М.С.) ...Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И. В. Сталина...»⁴⁰

Сколько времени могла занять эта поездка «на предельно большой скорости» от одного здания в центре Москвы до другого? Если бы свидетельство Жукова было правдой, то Поскребышев открыл бы перед Тимошенко и Жуковым дверь в кабинет Хозяина примерно в 9 часов 20 минут. Больше 20 минут и не надо для того, чтобы доехать от дома к дому, предъявить документы охранникам и подняться бегом по лестнице. Увы, «Журнал посещений» молча, но твердо уличает Жукова во лжи: в кабинет Сталина и он, и маршал Тимошенко вошли в 14.00. В два часа пополудни. Машины якобы «мчались» пять часов...

Фактически совещание военных в кабинете Сталина началось в 14.00, и в 16.00 Тимошенко, Жуков, Кулик, Ватутин и Шапошников вышли из кабинета Сталина. И лишь после этого телеграмма об объявлении мобилизации была подписана наркомом обороны и сдана на Центральный телеграф Министерства связи в 16 ч 40 мин 22 июня 1941 г.

«Мобилизация – это война». Комплекс мобилизационных мероприятий настолько велик, что скрыть от противника начавшуюся мобилизацию не удастся (в случае же публичного объявления Указа Президиума ВС, о «скрытности» мобилизации и говорить-то не приходится). Объявление (или фактическое начало) мобилизации может подтолкнуть противника к началу военных действий. Такая угроза вполне реальна. Именно по этой причине во всех без исключения планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, равно как и в планах оперативного развертывания войск военных округов, было предусмотрено проведение на начальном этапе операции по прикрытию мобилизации и сосредоточения.

В период с 5 по 14 мая 1941 г. в округа была направлена Директива наркома обороны на разработку полноценных планов прикрытия, и эта работа была завершена в конце мая – начале июня 1941 г. Планы прикрытия существовали, они были детализированы до уровня армий, корпусов и дивизий и хранились в штабах в знаменитых «красных пакетах». Дело оставалось за малым – планы прикрытия надо было достать из сейфа и ввести в действие.

И вот тут-то возникает большая проблема. В отличие от часового на посту (который не только имеет право, но и обязан принять решение на применение оружия самостоятельно, не дожидаясь никаких руководящих указаний сверху) ни один командир не имел права начать проведение операции прикрытия без прямого приказа вышестоящего начальника. На «вершине пирамиды», на уровне командования военных округов/фронтов планы прикрытия заканчивались следующей фразой: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года»*.

⁴⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 268.

Вот эти четыре слова так и не были произнесены. Вместо короткой, заранее оговоренной фразы («ввести в действие план прикрытия») поздним вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков (а по сути дела – Сталин) отправили в округа целое сочинение, вошедшее в историю под названием «Директива № 1». Вот ее полный текст:

«1. В течение 22-23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Обсуждение и анализ смысла этого текста продолжается уже более полувека. Одни утверждают, что главное в Директиве – требование «не поддаваться на провокации». Другие резонно возражают, указывая на фразу «встретить возможный удар немцев». Третьи справедливо указывают на явную двусмысленность Директивы: как можно «встретить удар немцев», не проводя при этом «никаких других мероприятий», кроме рассредоточения и маскировки? Как можно привести в «полную боевую готовность» неотмобилизованные, не укомплектованные по штатам военного времени войска? Как в условиях жесточайшего дефицита времени командующие округов должны отличить «провокационные действия» от «внезапного удара немцев»?

Вплоть до самых последних минут мирного времени Москва так и не отдала прямой и ясный приказ о введении в действие плана прикрытия. В показаниях командующего Западного фронта Д.Г. Павлова (протокол первого допроса от 7 июля 1941 г.) события ночи 22 июня описаны следующим образом:

«...В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первый вопрос по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов – Сапоцкий во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения.

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации – позвоните». На этом разговор закончился...» Итак, в дополнение к сотням других донесений, которые поступали в Генеральный штаб Красной Армии, командующий войсками приграничного округа сообщает, что противник снял проволоку заграждений и к границе непрерывно идут колонны танков и мотопехоты. Связь между Минском и Москвой есть, и она устойчиво работает. Приказ наркома – не паниковать. При этом Тимошенко высказывает предположение

о том, что утром 22 июня «может случиться что-то неприятное». Неужели такими словами маршал и нарком обороны обозначил возможное нападение 3-миллионной вражеской армии?

«...В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил – что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны...» Еще раз отметим, что связь устойчиво работает, командующие в Москве, Минске, Гродно, Белостоке и Кобрине не спят; по другую сторону границы приказ о наступлении уже более 12 часов назад доведен до сведения трех миллионов солдат и офицеров вермахта (что должна была бы зафиксировать и советская военная разведка). Но нарком обороны упорно не желает произнести четыре заветных слова: «Ввести в действие план прикрытия».

Существует описание реакции Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оно принадлежит свидетелю и главному участнику событий – маршалу Жукову. За много лет до написания своих печально-знаменитых мемуаров, 19 мая 1956 г., Г.К. Жуков составил и передал для утверждения Н.С. Хрущеву проект доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум, на котором предполагалось дать жесткую оценку «культу личности», так и не состоялся, но текст неизнесенной речи Жукова сохранился в архивной тиши до наших дней:

«...Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибить Вам и Тимошенко».

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня...»⁴¹

Это описание событий достаточно точно – и по хронологии, и по названным участникам совещания (правда, член Главного Военного совета Г. Маленков появился в кабинете Сталина лишь в 7.30). Следует отметить и то важное обстоятельство, что свой доклад на Пленуме товарищу Жукову предстояло произнести в присутствии живого участника событий – весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК. Есть серьезные основания поверить в правдоподобие данной версии, в соответствии с которой Сталин не просто расценил произошедшее как «провокацию немецких военных», но и прямо запретил ответные действия!

Странные и загадочные события последних предвоенных дней не могли не привлечь к себе внимание историков и журналистов. На эту тему написаны уже сотни статей и книг. Первой по хронологическому порядку была выдвинута потрясающая по своей абсурдности версия о том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, могла бы считаться «гением злодейства» по сравнению с этим простодушным дурачком. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении вместо того, чтобы привести войска в «состояние полной готовности»...

Затем эту версию несколько видоизменили и «усовершенствовали». Нет, Риббентропу наш тиран не поверил, он просто растерялся и впал в прострацию. Для пущей важности был вызван израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, не репатриант из бывшего СССР, а урожденный израильтянин), который в книге с восхитительным названием: «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» без тени иронии написал такое:

⁴¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30. Цит. по: Сойма В.М. Запрещенный Сталин. М., 2005.

«...Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован...»

Не многим уступали «иностранным консультантам» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее: *«Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично – гибели, Сталин, вероятно, считал сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою вовремя...»*

Эта потрясающая по силе «рокового самообмана» версия (хотя в данном случае, скорее всего, надо говорить не о самообмане авторов, а о целенаправленном обмане окружающих) не смогла пережить первой же встречи с тем массивом документов и фактов, который открылся в первой половине 90-х годов. Сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений то обстоятельство, что весной 41-го Сталин вовсе не был парализован, растерян и испуган до умопомрачения. Он не только не «гнал прочь любую мысль войне», а готовился к приближающемуся дню начала войны с предельным напряжением всех сил огромной страны. Начиная со второй декады июня в обстановке глубочайшей секретности начали осуществляться мероприятия, которые невозможно интерпретировать иначе как подготовку к войне. К войне, которая должна начаться не в каком-то «обозримом будущем», **а в самые ближайшие дни и часы.**

Наиболее значимым фактом является создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты. В мирное время фронты в составе Красной Армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером «исключения, подтверждающего правило», – граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И, напротив, фронтовые управления создавались перед каждым «освободительным походом» (11 сентября 1939 г. – за шесть дней до вторжения в Польшу, 7 января 1940 г. – после того как «триумфальный марш на Хельсинки» превратился в настоящую войну, 9 июня 1940 г. – за девятнадцать дней до оккупации Бессарабии и Северной Буковины). Формирование на базе войск округов действующих фронтов, вывод штабов фронтов из окружных центров (Риги, Минска, Киева, Одессы) на полевые командные пункты, начавшийся 19 июня 1941 г., – это непосредственная подготовка к близкой и неизбежной войне.

Не менее показательны и другие решения и действия советского командования, однозначно свидетельствующие о напряженной подготовке к боевым действиям, которые должны начаться в самые ближайшие дни. Вот, например, какие приказы и распоряжения отдавались командованием Прибалтийского Особого военного округа:

Приказ № 0052 от 15 июня 1941 г.

*«...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... **С первого часа боевых действий** (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.) организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах **рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках**, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии **рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать**, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который **полностью выполнить к 25 июня с. г.**»⁴²*

Приказ № 00229 от 18 июня 1941 г.

⁴² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1953. № 34. С. 11-12.

«...Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... План разрушения мостов утвердить военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г... Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50 % в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.6.41 г.»⁴³

В тот же день, 18 июня, командир упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ № 0033. Приказ увенчан наивысшим грифом секретности («особой важности, совершенно секретно»), что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Начинается приказ № 0033 такими словами: «С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя». Далее идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах!⁴⁴

Строго говоря, ничего удивительного в этих и других, подобных им, документах нет. Невероятным и почти необъяснимым является другое: буквально за 1-2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно охарактеризовать иначе как преднамеренное снижение боевой готовности!

Факты подобного рода разбросаны главным образом по мемуарной литературе и поэтому могут вызвать определенное недоверие. И тем не менее нельзя более игнорировать многочисленные свидетельства участников событий. Есть многочисленные сообщения о случаях отмены ранее отданных приказов о повышении боевой готовности, о неожиданном объявлении выходных дней, об отзыве зенитной артиллерии приграничных частей на тыловые полигоны, о выводе личного состава укрепрайонов из дотов в тыловые казармы.

Заслуживает внимания и «большой театральный вечер», состоявшийся 21 июня 1941 г. Известно, что командование Западного ОВО провело вечер 21 июня в минском Доме офицеров, на сцене которого шла комедия «Свадьба в Малиновке». Все, кто писал об этом, громко возмущались «близорукой беспечностью» командующего округа. Однако даже самый беглый просмотр мемориальной литературы позволяет убедиться в том, что вечером 21 июня в «культурный поход» отправился не один только генерал армии Павлов.

«...В субботу, 21 июня 1941 года, к нам, в авиагарнизон, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным белорусским композитором Любаном. Не так часто нас баловали своим вниманием деятели театрального искусства, поэтому Дом Красной Армии был переполнен...»

«...В субботу 21 июня сорок первого года в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем Рябыхевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи...»

«...21 июня заместитель командира 98-го дальнебомбардировочного авиаполка по политчасти батальонный комиссар Василий Егорович Молодцов пригласил меня на аэродром

⁴³ Там же. С. 22-25.

⁴⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1952. № 33. С. 23-24.

Шаталово, где в местном Доме Красной Армии должен был состояться вечер художественной самодеятельности...»

«...Вечером 21 июня мы всей семьей были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьей...»

Генерал армии С.П. Иванов (в первые дни войны – начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах дает очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

«...Сталин стремился самым состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (странное, однако же, стремление для того, кто готовится к обороне. – М.С.). Причем делалось это, что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени...»

Загадочные события последних предвоенных дней можно, на мой взгляд, объяснить, связать в некую логическую цепочку в рамках следующей версии. Сразу же оговорюсь – прямых документальных подтверждений этой версии у меня нет (да и трудно поверить в то, что они когда-либо будут найдены). Тем не менее гипотеза эта заслуживает обсуждения хотя бы уже потому, что позволяет рационально объяснить многие из перечисленных выше, внешне противоречивых и невероятных, фактов.

Итак, предположим, что слово «провокация», которое на все лады повторяется и в мемуарах Жукова, и в приказах Сталина, появилось совсем не случайно. И нарком обороны Тимошенко совсем не случайно предупреждал командующего Западного фронта Д. Павлова о том, что *«сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите»*. Сталин, Тимошенко, Жуков абсолютно точно знали, что в воскресенье 22 июня 1941 г. *«нападение может начаться с провокационных действий»*. Знали потому, что они сами это нападение и эту провокацию подготовили.

Секретных планов Гитлера на столе у Сталина никогда не было, но фактическая передислокация немецких войск отслеживалась советской агентурной, авиационной и радиоразведкой достаточно подробно. На основе этой информации строились вполне реалистичные оценки вероятных планов противника. В июне 1941 г. советская разведка зафиксировала начавшееся оперативное развертывание ударных группировок вермахта у границ СССР. Из этого факта были сделаны правильные выводы – Гитлер готовит вторжение, которое произойдет летом 1941 года. Воистину «роковая» ошибка была допущена лишь в определении того времени, которое потребует немецкому командованию для завершения сосредоточения войск и, соответственно, в установлении даты возможного начала вторжения.

Роковая ошибка Сталина вполне объяснима. 31 мая 1941 г. в очередном «Спецсообщении» военная разведка доложила Сталину, что у границ Советского Союза немцы сосредоточили 94 пехотные, 14 танковых и 13 моторизованных дивизий. Разведка доложила не совсем точно – фактически даже к 22 июня в составе трех Групп армий («Север», «Центр» и «Юг») у немцев было всего лишь 84 пехотные дивизии. Но дело не в этих мелких неточностях. Главное в том, что Сталин и высшее командование Красной Армии ожидали увидеть в составе группировки противника несравненно большее количество войск. Так, по уже многократно упомянутой выше Докладной записке от 11 марта 1941 г., для войны против СССР противник (одна только Германия, не считая ее возможных союзников) должен был выставить 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий. Причем на вооружении этих танковых дивизий предполагалось наличие 10 000 танков (фактически все 17 немецких дивизий к утру 22 июня

имели на вооружении не более 3,5 тыс. танков и самоходных орудий – и это если считать «танком» легкие пулеметные танкетки Pz-I и созданные на их базе самоходки).

Из донесений разведки (не только не занижавшей, а даже завышавшей численность войск противника у западной границы!) высшее военно-политическое руководство СССР, т. е. «коллективный Сталин», сделали абсолютно логичный вывод – сосредоточение ударной группировки вермахта пока еще не закончено; Сталин не мог поверить в то, что такими МАЛЫМИ СИЛАМИ Гитлер рискнет напасть на могучий Советский Союз. Сталин не мог поверить в то, что Гитлер оценивает «несокрушимую и легендарную» Красную Армию ниже, чем армию 40-миллионной Франции (для вторжения в которую немецкое командование выделило 136 дивизий). Сталин гордился своей логикой и рассуждал в данном случае вполне здраво – немцам потребуется еще несколько недель для завершения сосредоточения войск. А это означало, что у Красной Армии остается шанс начать войну сокрушительным внезапным ударом по противнику.

Сталин действительно «гнал от себя всякую мысль» – но не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что Гитлер в самый последний момент сумеет опередить его. Поэтому после долгих и, можно предположить, мучительных раздумий, после многократных совещаний с военным руководством (в июне 41-го Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз: 3, 6, 7, 9, 11, 18, 21-го числа – причем в иные дни военные приходили к Сталину дважды, и обсуждение затягивалось на четыре часа) решено было еще раз изменить срок начала операции в сторону приближения. Вероятно, предполагалось начать боевые действия в последних числах июня 1941 г. В рамках этого плана (условно назовем его «план № 4») днем начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.

Решение о начале открытой всеобщей мобилизации в понедельник было вполне логичным. В Советском Союзе центром жизни было рабочее место. Завод. Именно там концентрировались «призывные контингенты», именно там утром 23 июня 1941 г. должны были состояться «стихийные митинги» трудящихся, на которых будет объявлен заранее подготовленный Указ Президиума ВС СССР об объявлении мобилизации. Именно потому, что текст Указа готовился заранее, в нем и не было ни малейших упоминаний о гитлеровском вторжении и фактически начавшейся войне.

Но товарищ Сталин был мудр, и он понимал, что одного только Указа Президиума будет мало. Особенно после того, как на протяжении двух лет сталинская пропаганда объясняла трудящимся, что призывать к *«войне за уничтожение гитлеризма, прикрываемой фальшивым флагом борьбы за демократию»* (речь В. Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 31 октября 1939 г.), могут только враги народа, подлые наемники англо-американских поджигателей войны. Разумеется, Сталин ни на секунду не усомнился в покорности воспитанного им народа, но одной покорности для такого дела, которое он замыслил, было недостаточно. Нужна была «ярость благородная», сжигающая сердца. Проще говоря, нужно было организовать и провести крупномасштабную кровавую провокацию.

В качестве конкретного содержания такой провокации была избрана инсценировка бомбового удара немецкой авиации по советскому городу (городам). Предшествующий дню начала мобилизации воскресный день 22 июня 1941 г. как нельзя лучше подходил для осуществления задуманного. Для получения максимально-возможного числа жертв среди мирного населения бомбардировка днем в воскресенье была оптимальным вариантом: теплый солнечный выходной день, люди отоспались после тяжелой трудовой недели и вышли на улицы, в сады и скверы, погулять с детьми... Технические возможности для инсценировки были: еще в 40-м году в Германии были закуплены два бомбардировщика «Дорнье»-215, два «Юнкерса»-88 и пять многоцелевых Ме-110, не говоря уже о том, что на высоте в 5-6 км никто, кроме специалистов высшей квалификации, и не распознал бы силуэты самолетов.

У товарища Сталина были твердые представления о том, в каких именно формах должна проявляться «неизменно миролюбивая внешняя политика» Советского Союза. Эти представления он с неумолимой настойчивостью «терминатора» проводил в жизнь. Все должно было быть «правильно». Советский Союз не мог напасть на Финляндию. Красная Армия должна была пресечь провокации белофинской военщины, которая предательски обстреляла советскую территорию в районе поселка Майнила. В июне 41-го предстояло начать войну неизмеримо большего масштаба, соответственно, и очередная «предвоенная провокация» должна была быть гораздо более заметной и кровопролитной.

Чрезвычайно важно отметить, что событие, которое могло быть первой составной частью Большой Провокации, **состоялось в реальности. Это не гипотеза. Это факт.** 13 июня 1941 г. было составлено и 14 июня опубликовано знаменитое Сообщение ТАСС.

Да-да, то самое:

«...ТАСС заявляет, что, по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

Десятки лет историки всего мира удивляются, сокрушаются, возмущаются «роковым самообманом» товарища Сталина. Как он мог поверить в то, что коварный враг «неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении», – с ритуальным заламыванием рук вопрошали тысячи журналистов и публицистов. Наверное, именно так дикарь из племени Мумбу-Юмбу разглядывает случайно попавшую ему в руки половинку от ножниц. «Что это? Шило? Какое-то неудобное, широкое... Ножик? Зачем тогда кольцо на ручке, да и заточен этот «ножик» как-то странно...» И только приложив вторую половинку и завинтив необходимый винтик посередине, мы получим ножницы – одно из выдающихся изобретений человечества.

Успокоительное Заявление ТАСС перестает казаться полным бредом, лишь только мы подумаем о том, что оно могло быть первым действием кровавого «спектакля». За этим, первым, этапом должен был неизбежно последовать второй: инсценировка бомбардировки немецкими самолетами советских городов. В ответ на миролюбивейшее заявление ТАСС – бомбы в солнечный воскресный день. Вероломное и подлое убийство мирных советских граждан. Трупы убитых женщин и детей на залитой кровью зелени парков и скверов. Белоснежный голубь мира – с одной стороны, черные вороны – с другой. И вот только после всего этого – всеобщая мобилизация. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Грубо? Излишне нарочито? Да, но именно такой «фасон и покрой» любил товарищ Сталин. Грубо, нелепо, неряшливо «сшитые» провокации. В ходе открытых «московских процессов» 36-го года обвиняемые признавались в тайных встречах с давно умершими людьми, каковые «встречи» якобы происходили в давно снесенных гостиницах. Главой «народного правительства демократической Финляндии» был объявлен секретарь Исполкома Коминтерна, член ЦК ВКП(б) «господин Куусинен», безвылазно живущий в Москве с 1918 г. «Ювелирная точность бегемота», как назвал это А. Солженицын.

И ничего. Трудящиеся в ходе стихийных митингов горячо одобряли и всецело поддерживали...

Гипотеза о назначенной на 22 июня провокационной инсценировке не только соответствует общему стилю сталинских «освобождений», но и позволяет объяснить сразу несколько наиболее «необъяснимых» фактов кануна войны.

Прежде всего становятся понятными те действия по демонстрации благодушия и безопасности, которые происходили 20-21 июня. Для большего пропагандистского эффекта про-

вокации бомбы должны были обрушиться на советский город в мирной, внешне совершенно спокойной обстановке. В боевых частях – выходной день. Командование наслаждается высоким театральным искусством, рядовые бегают комсомольские кроссы и соревнуются в волейбольном мастерстве. Мы мирные люди, а наш бронепоезд ржавеет на запасном пути... Кроме пропагандистского эффекта, понижения боеготовности и бесконечные заклинания «не поддаваться на провокации» имели и вполне практический смысл: провокационная бомбардировка должна была успешно состояться, и ни одного ответного выстрела по сопредельной территории не должно было прозвучать. В этом контексте становится понятным и совершенно «необъяснимый» факт демонтажа вооружения с самолетов 122-го истребительного авиаполка (полк находился на аэродроме Новый Двор, в 17 км от границы в районе «Сувалкского выступа»), произведенного по приказу высшего командования Западного военного округа вечером 21 июня!

Становится понятным и неожиданное появление Мехлиса в сталинском кабинете вечером 21 и ранним утром 22 июня – начиная с 1924 года этот человек был рядом со Сталиным, выполняя роль особо доверенного порученца по тайным и грязным делам.

Наконец, становится психологически понятной реакция Сталина на сообщение о начале войны (а если быть совсем точным – на сообщение о начавшихся на рассвете 22 июня бомбовых ударах немецкой авиации). Сталин был потрясен, ошеломлен и едва не лишился дара речи – а как могло бы быть иначе? Он заказывал провокацию, а получил реальный удар **в тот же самый день!** Поверить в такое невероятное совпадение было невозможно. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда...

Сталин рассуждал абсолютно логично – и ошибся во всем. Но, как сказал по другому поводу и про другого человека (Льва Троцкого) сам Ленин, «это едва ли может быть поставлено ему в вину лично». Трудно было не ошибиться. Сталин не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия – это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных. Даже в кошмарном сне не могла ему привидеться картина того, как тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий, миллионы винтовок будут брошены на обочинах дорог панически бегущими толпами бывших красноармейцев...

Но не будем слишком строго судить товарища Сталина за эту ошибку. Ведь Вы, уважаемый читатель, даже сегодня, даже «задним умом», даже после всего, что было рассекречено и опубликовано в последние годы, что было рассказано немногими дожившими до эпохи свободы слова и печати очевидцами событий, не хотите поверить и признать этот реально состоявшийся факт. Стоит ли удивляться тому, что Сталин не смог сделать столь ошеломляющий прогноз?

Марк Твен как-то сказал: «Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда – нет». Изложенная выше версия событий июня 41-го достаточно невероятна для того, чтобы в конечном итоге оказаться правдой.

Бабий бунт в Иваново

Это произошло в конце октября 1941 года в Иваново – знаменитом «городе невест» и крупном центре текстильной промышленности СССР. Разумеется, об этом событии не сообщалось в газетах. Предельно скупые в те страшные дни октября 41-го года сводки Совинформбюро монотонно и глухо сообщали о «напряженных боях на Можайском, Малоярославецком и Калининском направлениях». Ничего не писалось про «ивановский бунт» и в последующие шесть десятилетий. Да и сегодня, после того как бывший архив ЦК КПСС (ныне РГАСПИ, фонд 17, опись 88, дело 45) раскрыл одну из своих тайн, мы не можем достоверно сказать – насколько уникальными (или, напротив, типичными) были эти события.

Осенью 1941 года, после эвакуации управления Наркомата текстильной промышленности из Москвы в Иваново, этот город окончательно превратился в «текстильную столицу страны». Вот только с женихами стало совсем худо: мужчины в городе остались (как становится очевидно из тех документов, что будут приведены ниже) только среди начальства, простых мужиков почти поголовно забрали в армию.

В начале сентября (документ не позволяет установить точную дату) инструктор Козлов и ответственный оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Сидоров направили в Москву докладную записку «О положении на текстильных предприятиях Ивановской области». Положение было весьма тревожным, проще говоря – предзабастовочным:

«... В последнее время имели место волынки отдельных групп рабочих, самовольно бросавших работу до окончания рабочего дня. Такие факты имели место на трех фабриках Вичугского района... на двух фабриках Фурмановского района... и на некоторых других предприятиях Ивановской области (многократными заменен длинный перечень крупных фабрик с числом работающих от 7 до 12 тысяч человек. – М.С.). Рабочие высказывают резкое недовольство, а иногда и антисоветские настроения. Обычные разговоры на фабриках, передаваемые друг другу, о том, что на той или иной фабрике забастовали и им увеличили норму хлеба до килограмма.

На собрании рабочих фабрики им. Ногина работница Кулакова заявила: «Гитлер хлеб-то ведь не силой взял, ему мы сами давали, а сейчас нам не дают, ему, что ли, берегут?» Работница Лобова высказала следующее: «Ходим голодные, работать нет мочи. Начальство получает в закрытом магазине, им жить можно». Пом. мастера Соболев и мастер Киселев (это единственные две мужские фамилии, все остальные «волынщики» – женщины) заявили: «Если нас возьмут в армию, мы покажем коммунистам, как нас морить голодом». Работница прядильной фабрики комбината «Большевик» заявила коммунистке Агаповой: «Сохрани Бог от победы советской власти, а вас, коммунистов, всех перевешают».

Констатируя факты столь «нездоровых настроений», а также и некоторые причины, такие настроения порождающие («в столовых непролазная грязь, в большинстве столовых нет бачков и кружек... качество обедов крайне низкое, меню в большинстве состоит из пустых щей (вода с капустой без лука, без всякой приправы) и ячневой каши, сваренной на воде без всяких жиров»), Козлов и Сидоров ограничились следующими предложениями:

«Ввести в обкоме и горкоме секретарей по снабжению... заменить слабых секретарей парторганизаций... руководство агитколлективами поручить ответственным работникам обкома и горкома... направить в помощь обкому партии группу квалифицированных лекторов и докладчиков...»

Успела ли «группа квалифицированных лекторов» прибыть в Иваново, успели ли они объяснить голодным ткачихам, почему в рабочей столовой «непролазная грязь, а начальство получает в закрытом магазине», – неизвестно. Зато доподлинно известно другое: 2 октября

немецкие войска начали крупномасштабное наступление, и неделю спустя более 60 советских дивизий были окружены в двух гигантских котлах – у Вязьмы и Брянска; еще через неделю последние очаги организованного сопротивления окруженных были подавлены, 16 октября в Москве началась массовая паника, грабежи магазинов и беспорядочное бегство населения на восток по всем доступным дорогам. Одним словом – началось именно то, что предшествовало падению Минска, Смоленска, Пскова, Орла, Харькова... Казалось, еще немного – и в этом трагическом списке появится и город Москва.

В ситуации, когда прорыв немцев к Волге, Ярославлю и Нижнему Новгороду представлялся вполне реальным, было принято решение об эвакуации предприятий Иванова. И вот тут-то начался бунт.

«Ивановский обком ВКП(б) в дополнение к сообщениям по телефону считает необходимым более подробно информировать ЦК ВКП(б) о фактах антисоветских выступлений. Беспорядки имели место в г. Иваново на Меланжесвом комбинате, на фабриках им. Дзержинского, им. Балашова и в известной степени на фабрике «Красная Звезда», а также в г. Приволжске на Яковлевском льнокомбинате.

Наиболее характерными являются события на Меланжесвом комбинате. Никакой разъяснительной работы среди рабочих по вопросам эвакуации проведено не было. В результате 18 октября рабочие, придя в 6 часов утра на работу, увидели в цехах часть разобранного оборудования... Начался шум и выкрики: «Оборудование увезут, а нас оставят без работы. Не дадим разбирать и увозить оборудование»... Чтобы избежать дальнейшей неорганизованности и беспорядка, было объявлено о созыве собрания рабочих. Собрание началось в 14 часов. На него прибыли секретарь горкома т. Таратынов, секретарь обкома т. Лукоянов, секретарь Кировского райкома т. Веселов, директор комбината т. Частухин (стоит обратить внимание на то, что здесь и далее все начальники – мужчины). Станкообходчица, член партии Бутенева взяла слово и в своем выступлении заявила: «Уж если вы жалеете станки, так надо сначала вывезти семьи. Вывозить оборудование не дадим». Группа активных участников беспорядков начала разбивать ящики с оборудованием топорами и молотками.

Утром 19 октября события на комбинате начали принимать более острый характер. Около 9 часов утра та же группа ткачих снова начала разбивать ящики с оборудованием. Попытки противодействия, предпринятые руководителями комбината, ни к чему не привели. Многие работницы стали бросать работу. Примерно 150 человек ворвались в кабинет заведующего прядильной фабрикой Растригина, который от них убежал и спрятался в сортировке под брезентом. Сбежал домой и заведующий ткацкой фабрикой Николаев, испугавшийся угрозы убить его за грубость с рабочими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.